

БАТАЛОВА
АННА

ДВАДЦАТЫЙ
РАССВЕТ

18+

Баталова Анна

Двадцатый рассвет

<https://litres.ru/74564653>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет. Одиночество. Дождь за окном и одна-единственная свеча, дрожащая на пирожном. В этот вечер Ярослава решилась на самую простую и самую опасную вещь — загадать желание. Она хотела лишь узнать, кто зовёт её во снах. Но мир услышал её иначе. Голос оказался не предвестником чуда, а ключом к прошлому, которое она старательно прятала даже от себя. Теперь прошлое больше не шепчет — оно требует возвращения. И чем ближе она подходит к разгадке, тем яснее понимает: плата за знание уже назначена, и отказаться от неё нельзя.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Баталова Анна

Двадцатый рассвет

Пролог

Часы на моём запястье издали тихий, почти неслышный сигнал. Я подняла руку, посмотрела на экран — ровно полночь. Двенадцать ноль-ноль. Значит, вот он. Тот самый день, к которому я готовилась целый год, хотя, если честно, не готовилась вообще.

Сегодня мне исполнялось двадцать лет.

Я сидела на подоконнике, подтянув колени к груди, и смотрела, как за стеклом льёт дождь. Не ливень, не гроза — просто дождь. Ровный, спокойный, будто ему некуда торопиться. Как и мне. Луна висела где-то за облаками, но свет всё равно пробивался — мутный, водянистый, ложился на крыши домов и мокрый асфальт бледными пятнами. Ночь была такой тихой, что я слышала, как капли бьют по карнизу. Кап. Кап. Кап. Как метроном.

На подоконнике, чуть левее от меня, стояло пирожное. Маленькое, с кремовым розочкой и одной-единственной свечкой. Я купила его вчера вечером, в кондитерской на углу, без всякой радости — просто потому что надо. День рождения же. Хотя чьего рождения, если вокруг никого? Квар-

тира пустая. Тихая. Тёмная. Я не включала свет — зачем? Темнота была почти уютной. Привычной. Моей.

Я поднесла спичку к фитилю, и маленький огонёк вспыхнул, задрожал от сквозняка. Оранжевое пятнышко света на чёрном стекле. Единственный источник тепла в этой квартире. Я смотрела на пламя и думала: вот, Ярослава, вот твой праздник. Одно пирожное, одна свеча и один ты — одна я.

Ярослава. Меня зовут Ярослава. Но сейчас, в эту секунду, мне вдруг захотелось быть кем-то другим. Кем-то, у кого есть дома полная комната людей, торт со свечами в форме цифры «двадцать» и смех. У меня был только дождь.

Я задула свечу.

Огонёк моргнул и погас, оставив после себя тонкую струйку дыма, которая изогнулась в воздухе и растворилась. Я отвела пирожное в сторону, на край подоконника, и снова прижалась лбом к стеклу. Оно было холодным. Холоднее, чем я ожидала.

Итак, желание. У каждого оно есть — даже у тех, кто утверждает обратное. У кого-то загадывают любовь, у кого-то деньги, у кого-то здоровье близким. Я загадала другое. Я загадала узнать.

Кто зовёт меня во снах.

Вот уже несколько месяцев каждую ночь, стоит мне закрыть глаза, я слышу его. Голос. Сначала он был далёким, как радио в соседней комнате — слова не разобрать, только интонация, только зов. Я просыпалась в поту, не понимая,

что мне снилось, но помня одно: меня кто-то звал. Не кричал, не шептал — звал. Терпеливо и настойчиво, как будто ждал очень давно и готов ждать ещё.

С каждым разом он становился ближе. Я уже различала отдельные звуки, отдельные слоги. А потом — две недели назад — я услышала имя. Своё имя. Вернее, не совсем моё.

«Яра», — сказал голос. Чётко, внятно, так словно кто-то стоял прямо у моего изголовья и произносил его мне на ухо.

Яра.

Никто никогда меня так не звал. Ни мама, ни папа, ни школьные подруги, ни университетские знакомые. Все говорили «Ярослава» — полное, тяжёлое, как будто по бумажке. В детстве пытались звать «Славой» — не прижилось. Была «Роська» в третьем классе, от которой я до сих пор морщусь. Но «Яра»? Никогда. Ни разу в жизни. И вот — во сне — кто-то назвал меня именно так, и это звучало так... правильно. Как будто это имя, которое действительно моё, только я о нём забыла.

Я смотрела в окно. Там, внизу, под дождём, мелькали редкие прохожие. Какой-то мужчина бежал к припаркованной машине, прикрывая голову курткой. Женщина спешила под зонтами, прижимая к себе сумку. Ещё кто-то нырнул в арку, сгорбившись под струями. Все они куда-то бежали. Прятались от дождя, от ночи, от темноты. А я сидела и думала: почему я не боюсь?

Голос пугал меня. По-настоящему пугал. Я просыпалась с

бешено колотящимся сердцем, с пересохшим горлом, и первые секунды не могла вспомнить, кто я и где я. Но после того, как он назвал меня по имени, страх сменился чем-то другим. Любопытством? Тоской? Не знаю. Как будто кто-то протянул руку из темноты — и я не уверена, что хочу её отпустить.

Кто ты? Почему зовёшь меня Ярой? Откуда знаешь это имя, которого не знает никто?

Я знала одно: голос женский. Или почти женский — мягкий, глубокий, с какой-то странной хрипотцой, будто тот, кто говорит, давно не разговаривал. Словно проснулся после долгого сна и теперь, не торопясь, по одному, произносит слова, привыкая к собственному голосу заново.

Четыре месяца. Четыре месяца я носила в себе этот вопрос, как носят занозу — терпимо, но постоянно. Никому не рассказала. Как расскажешь? Случится — посмотрят как на сумасшедшую. Мама — та и вовсе заволновалась бы, начала таскать по врачам. Нет, это только моё. Только между мной и им. Голосом. Тем, кто зовёт.

И вот я загадала желание. Впервые в жизни — не на деньги, не на счастье, не на «пусть всё будет хорошо». Я загадала: покажи мне. Покажи, кто ты. Дай услышать. Дай увидеть. Дай узнать.

Свеча погасла. Желание загадано. Ритуал завершён.

Я сидела на подоконнике, смотрела на дождь и людей, и думала: а что, если он ответит?

Эта мысль — простая, короткая — вдруг наполнила меня таким страхом, какого я не испытывала ни в одном из своих снов. Потому что во сне я не выбирала. Во сне голос приходил сам. А теперь я сама, своими руками, своими губами, задувая свечу, попросила его прийти. Попросила открыть дверь, которую он всё это время лишь царапал с другой стороны.

Дождь за окном усилился. Прохожих не осталось — только пустая мокрая улица, тёмные окна чужих квартир и луна, которая никуда не делась, просто смотрела на меня сквозь разрывы в облаках. Я смотрела на неё в ответ, и мне казалось, что она знает.

Знает, что я сделала.

Знает, что теперь всё будет по-другому.

Мне двадцать лет. Я сижу одна в тёмной квартире, на подоконнике, рядом с пирожным, на котором стоит потухшая свеча. За окном льёт дождь. И я только что загадала желание, о котором ещё пожалею.

Но тогда, в ту минуту, я этого ещё не знала.

Глава 1

Сон пришёл не сразу.

Я помню, как легла — прямо в одежде, не раздеваясь, просто свернувшись на диване калачиком, натянула на себя плед и закрыла глаза. Дождь всё ещё барабанил по окну, ровный, убаюкивающий. Пирожное так и осталось на подоконнике — я не стала его есть. Не хотелось. Я думала, что не усну. Думала, что буду лежать, смотреть в потолок, слушать капли и прокручивать в голове этот день — пустой, одинокий, двадцатый. Но усталость оказалась сильнее. Тело само решило за меня, и я провалилась.

Не в сон — в темноту.

Обычно сны приходят с образами. Куски дней, лица, разговоры — всё переплетается, наслаивается, путается. А здесь — ничего. Полная, абсолютная, глухая чернота. Как будто меня выключили. Как будто я перестала существовать, но при этом знала, что существую. Странное состояние — вроде бодрствования, только без тела, без рук, без ног. Только сознание, подвешенное в пустоте.

И тишина. Сначала — тишина.

Я попыталась понять, сплю я или нет. Поняла — сплю. Это знание пришло не как мысль, а как ощущение — какая-то внутренняя уверенность, без доказательств. Конечно, сплю. Только что лежала на диване. Закрыла глаза. Значит,

сплю. Логика простая, понятная, и от неё стало немного легче — я ведь знала, что рано или поздно проснусь. Нужно просто дождаться.

Но ждать было страшно.

Потому что тишина не длилась долго.

Сначала — далёкий, едва различимый гул. Как будто где-то очень далеко, за километры, за моря, за горы, кто-то произнёс слово. Я не расслышала что. Только вибрацию — головную, живую, человеческую. Кто-то говорил. Или пел. Или звал. Я не могла разобрать, и от этого неразборчивого, чужого, но настойчивого звука по всему моему несуществующему телу прошла дрожь. Мурашки. Только мурашек-то быть не должно — тела же нет. Но они были. Я их чувствовала. Так отчётливо, будто кожа на месте, будто я не пустота, а плоть и кровь.

«Это сон, — сказала я себе. — Просто сон. Ты спишь на диване, под пледом, и дождь стучит по окну. Всё в порядке. Ты проснёшься.»

Я не поверила себе. Не в тот раз.

Гул приблизился. Теперь я слышала — это голос. Женский. Знакомый. Тот самый. Я узнала его мгновенно, как узнают лицо близкого человека в толпе — не по чертам, а по чему-то неуловимому, что нельзя описать. По дыханию. По интонации. По тому, как он слегка тянет гласные. Четыре месяца я слышала его каждую ночь. Четыре месяца просыпалась с этим звуком в ушах. И каждый раз он был ближе,

каждый раз — яснее. Как будто кто-то шёл ко мне сквозь туман и с каждым шагом обретал плоть.

«Яра».

Вот оно. Моё имя — не моё имя. Слово, которое никто и никогда не произносил наяву, которое существовало только в этих снах. Яра. Два слога. Короткое, как выдох. Я слышала его — чётко, раздельно, без искажений, без эха. Голос называл меня по имени, и от этого мне стало так страшно, что я попыталась закричать. Не смогла. Рот не открывался — его ведь и не было. Руки не поднимались — их тоже. Я была заперта в собственной темноте, в собственном сне, и кто-то чужой знал моё имя.

«Яра».

Громче. Ближе. Словно голос перемещался — не приближался по расстоянию, а просто становился больше, заполнял собой пространство, вытеснял темноту. Я чувствовала, как он вибрирует где-то в затылке, как резонирует в пустоте, в которой я висела. Это было физическое ощущение — звук, который бьёт изнутри, как головная боль, только вместо боли — страх. Чистый, животный, первобытный страх.

«Яра!»

Ещё громче. Я пыталась проснуться. Пыталась изо всех сил — напрягала то, чего не было, сжимала то, чего не чувствовала. Мысленно кричала: «Хватит! Прекрати! Оставь меня!» Голос не слушал. Или не слышал. Или не хотел слышать. Он продолжал звать, и с каждым разом в нём просту-

пало что-то новое — нетерпение. Не злость — нет. Нетерпение. Как будто тот, кто звал, ждал слишком долго и наконец-то увидел меня, и теперь боялся, что я снова ускользну.

«Яра!»

Громче. Чётче. Ближе.

Я уже не висела в пустоте — я ощущала себя. Ощущала, что у меня есть спина, есть руки, есть голова. Но всё это было во сне, всё это было нереально, и я цеплялась за это нереальное ощущение, потому что оно было единственным, что связывало меня с настоящим миром. Если у меня есть тело — значит, я могу проснуться. Значит, есть куда возвращаться. Есть диван, плед, дождь за окном, пирожное на подоконнике. Есть жизнь. Моя, обычная, двадцатилетняя, одинокая — но моя.

«ЯРА!»

Крик. Не зов — крик. Раздался у самого уха — так близко, так оглушительно, что я почувствовала, как воздух в темноте дрогнул, как будто кто-то действительно наклонился и заорал мне прямо в ухо. Звук прошёл сквозь меня — насквозь, от макушки до пяток, — и я проснулась.

Не сразу.

Это было самое страшное — пробуждение. Не резкое, не как от толчка, а медленное, вязкое, как если бы я поднималась со дна глубокого колодца. Темнота не отпускала. Я знала, что просыпаюсь — сознание возвращалось, мысли прояснялись, — но глаза не открывались. Веки были тяжёлыми,

свинцовыми, будто кто-то держал их пальцами. Я пыталась — напрягала мышцы лица, пыталась поднять верхние веки, и они не поддавались. Как будто приклеились. Как будто заперты.

И тогда пришёл холод.

Не тот холод, что бывает, когда раскрылся во сне. Другой. Глубокий, костный, проникающий. Он шёл снизу — от спины, от того, на чём я лежала. Поверхность подо мной была твёрдой. Не мягкий диван, не тёплая постель — твёрдая, гладкая, ледяная поверхность. Камень? Металл? Я не знала. Я знала только, что это не мой диван. Это не моя квартира. Это не там, где я заснула.

Страх — настоящий, всепоглощающий — накрыл меня волной, от которой перехватило дыхание. Я лежала на чём-то холодном и твёрдом, в темноте, с закрытыми глазами, и не могла пошевелиться. Тело не слушалось. Ни руки, ни ноги, ни пальцы — всё было скованным, чужим, не моим. Холод поднимался от спины к плечам, от плеч — к шее, от шеи — к затылку, и я чувствовала, как он обнимает меня, медленно, нежно, как живое существо.

«Это сон, — подумала я. — Это всё ещё сон. Я не проснулась. Мне просто снится, что я проснулась. Так бывает. Так бывает.»

Я повторяла это про себя, как заклинание. Так бывает. Так бывает. Мне снится, что я лежу на чём-то холодном. Мне снится, что я не могу открыть глаза. Мне снится, что

я не чувствую рук. Это всё сон. Сейчас я по-настоящему проснусь, на своём диване, под пледом, и услышу дождь, и пойду на кухню, и налью себе воды, и всё будет нормально. Всё будет нормально.

Но дождя не было слышно.

И пледа не было.

И дивана не было.

Только холод. Только темнота. Только чужая твёрдая поверхность под спиной и страх, который забирался под рёбра и сжимал что-то там, внутри, так сильно, что я подумала — вот так умирают от страха. Вот так это и происходит. Не в больнице, не от болезни — а просто лежа в темноте, на холоде, не в силах пошевелиться или открыть глаза.

Я попыталась снова. Собрала все силы — всё, что у меня было, каждую каплю воли, каждую искру сознания — и попыталась открыть глаза.

Не получилось.

Снова. Ещё раз. Пожалуйста. Пожалуйста, откройтесь. Я хочу видеть. Хочу знать, где я. Хочу понять, что происходит. Хочу увидеть, что это — моя квартира, что я просто упала с дивана, что лежу на полу, и мне просто холодно, и всё объяснимо, всё просто, всё не страшно.

Глаза не открывались.

И тогда я услышала его. Снова. Тихо, совсем тихо, на самом пороге слышимости — как последнее слово перед тем, как повесить трубку. Как выдох, который почти растворился

в тишине.

«Яра.»

Я перестала дышать. Всё тело — то, что от него осталось в этом состоянии между сном и явью — окаменело. Я слышала. Слышала не во сне — я была уверена, что не во сне. Я просыпалась. Я чувствовала холод. Я чувствовала поверхность под спиной. Я чувствовала страх — настоящий, телесный, со вздрагивающим сердцем и пересохшим ртом. И голос был здесь. Не в голове, не в темноте сна — здесь. Рядом. Надо мной. Или сбоку. Или везде — я не могла определить, откуда он звучал, потому что он звучал отовсюду.

«Яра, — сказал голос, и в нём теперь не было нетерпения. Не было крика. Была тихая, усталая, почти ласковая интонация, с какой говорят с человеком, которого долго ждали и наконец-то нашли. — Я нашел тебя.»

И в этот момент я открыла глаза.

Глава 2

Камень. Первое, что я увидела, — камень. Серый, неровный, с прожилками чего-то тёмного, почти чёрного. Он нависал надо мной — не прямо над лицом, а чуть в стороне, будто потолок шёл под углом. Трещины разбегались по нему паутиной, тонкие, как нити, и в некоторых из них застыла влага — тёмная, густая, блестящая в тусклом свете. В свете синего пламени. Я наконец-то поняла, откуда идёт этот странный, мертвенный свет — от факелов. Не обычных, не с жёлтооранжевым огнём, который я привыкла видеть в фильмах, а с пламенем глубокого, холодного синего цвета. Оно не трепетало, как обычный огонь, не металось от сквозняка — горело ровно, почти неподвижно, будто жидкое стекло, подсвеченное изнутри. И от этого становилось ещё страшнее: всё здесь было неправильным, чужим, словно из сна, где привычные вещи вдруг надевают чужие лица. Холод. Он никуда не делся. Более того, теперь, когда я видела эти синие огни и понимала, что это не сон, не видение, не галлюцинация засыпающего мозга — холод стал реальнее. Осязаемее. Он шёл от того, на чём я лежала. Камень. Камень под спиной, под затылком, под лопатками, под бёдрами. Я чувствовала его каждой клеткой кожи — даже через одежду. Тонкая ткань не спасала — холод проходил сквозь неё, как сквозь марлю, и забирался в мышцы, в суставы, в кости. Я лежала на

камне, как на льду. Как я сюда попала? Вопрос возник мгновенно — и повис без ответа. Я закрыла глаза. Открыла снова. Факелы с синим огнём. Камень. Трещины. Всё то же. Ничего не изменилось. Я не проснулась на диване. Не услышала дождь. Не увидела знакомый потолок своей квартиры с трещиной над лампой, которая похожа на молнию. Я лежала на камне, под камнем, в темноте, и не понимала — как. Я легла на диван. Закрыла глаза. Уснула. Снился голос. Голос кричал. Я проснулась. Камень. Вот вся цепочка. Простая, короткая — и абсолютно невозможная. Нельзя уснуть на диване в своей квартире и проснуться на камне в... где? Теперь, когда я смогла повернуть голову — с трудом, через хруст в шее, через боль, которая прокатилась от затылка до лопаток, — я увидела всё пространство целиком. Это был склеп. Круглый, с гладкими стенами, которые шли кругом, смыкаясь где-то высоко над головой. Каменные плиты были выложены по дуге, и на равном расстоянии друг от друга в нишах горели те самые факелы — их синее пламя отбрасывало неровные блики на камень, и казалось, что стены дышат, шевелятся в этом странном свете. Я не знала, сколько я тут лежу. Минуту? Час? Ночь? День? Больше? Я не знала. Не было часов — тех, на запястье, не было. Я посмотрела на свою руку — она лежала вдоль тела, пальцы были чуть согнуты, и я их видела, но не чувствовала. Как чужие. Мои часы, мой маленький фитнес-браслет с тихим сигналом — исчез. Рука была голой. Не то что браслета — следов на коже от него не осталось. Как

будто я никогда его не носила. Страх вернулся. Не тот, первый, дикий, животный — а новый, медленный, тягучий, который заползает не в горло, а в голову. Страх разума. Потому что тело можно обмануть — холод, затёкшие мышцы, онемение — всё это можно объяснить. Неудобная поза. Слишком долгий сон. Плохое кровообращение. Но часы? Часы не исчезают от долгого сна. Часы — это предмет. Вещь. Она не может просто перестать существовать. Разве что... Разве что я не сплю. Хватит. Я сказала это себе мысленно — резко, жёстко, как отчитывают ребёнка, который ноет без причины. Хватит. Ты лежишь на камне. Ты не знаешь, где. Не знаешь, как. Не знаешь, сколько. Не знаешь, почему. Хватит проверять — реальность не изменится от того, что ты моргаешь. Ты здесь. Ты здесь, и тебе нужно двигаться. Двигаться. Я начала с пальцев ног. Мысленно — просто послала сигнал, как по проводам, из головы вниз, к ступням. Шевелитесь. Ну? Шевелитесь, пожалуйста. Сначала ничего. Пустота. Я не чувствовала пальцев ног — ни тепла, ни холода, ни давления. Как будто их нет. Как будто ноги заканчиваются где-то выше, обрубленные, и дальше — ничего. Это было страшно. Я вдруг подумала: а что, если они отмерли? Что, если я пролежала так долго, что... Нет. Нет. Не думать об этом. Думать о другом. Шевелить пальцами. Пробовать. Ещё раз. Ещё. И — шевельнулись. Еле-еле. Чуть-чуть. Большой палец на правой ноге дрогнул — едва заметно, на миллиметр, но я это почувствовала. Ощущение было странным: холодное, ломя-

щее, как будто палец пролежал под тяжёлым камнем и только что освободился. Боль — но приятная. Живая. Значит, ноги есть. Значит, нервные пути работают. Значит, я не отмерла. Я живая. Живая и лежащая на камне в неизвестном месте, но живая. Я продолжала. Левая нога — тот же палец, то же усилие, та же пустота, и наконец — дрожь. Есть. Потом — остальные пальцы. По одному. Я концентрировалась на каждом, как будто училась заново ходить. Каждый палец — победа. Каждый — крошечное доказательство того, что тело моё, что оно слушается, что оно просто спало, долго и глубоко, и сейчас просыпается. Пальцы рук — легче. Они были ближе к голове, ближе к сознанию, и откликались быстрее. Правая рука — я сжала кулак. Получилось с третьей попытки. Пальцы сложились медленно, как ржавый механизм, каждый сустав щёлкнул — тихо, но слышно. Я разжала. Сжала. Разжала. Кисть стала оживать — покалывание, мурашки, онемение отступало, как вода, и за ним оставалось чувство, которого я раньше не ценила: обычное, нормальное ощущение собственной руки. Тёплой, живой, моей. Левая рука — то же самое. Сжать. Разжать. Сжать. Разжать. Пальцы, кисть, запястье. Я двигала ими и думала: вот так, наверное, чувствует себя человек, который очнулся после комы. Не знаю, правда ли это, но мне казалось — да. Тело, которое забыло, что оно тело, и заново учится быть собой. Я попробовала плечи. Приподнять — не получилось. Боль прострелила от шеи до локтя — тупая, ноющая, как от удара. Я зашипела

сквозь зубы — звук показался оглушительным в этой тишине. Я даже не сразу поняла, что это я издала его. Здесь было так тихо, что мой собственный вдох казался шумом. Никакого дождя. Никакого гула машин за окном. Никакого гудения холодильника на кухне. Ничего. Только я, мой голос, мой камень, синие огни и тишина, которая была такой плотной, что казалась осязаемой. Я лежала и разминала тело, пальцем за пальцем, суставом за суставом, и каждая мелкая победа стоила усилий, будто я тащила камень в гору. Время потеряло смысл — я не знала, сколько прошло. Минуты? Десятки минут? Час? Я работала с телом, как с упрямой лошадью: уговаривала, угрожала, просила, требовала. Шевелись. Ну давай. Давай же. Ты моё. Ты единственное, что у меня есть. Пожалуйста. Постепенно — так медленно, что я не заметила перехода, — тело стало поддаваться. Сначала руки — я смогла поднять их, чуть-чуть, на несколько сантиметров от камня, и опустить обратно. Потом ноги — согнуть в коленях, выпрямить. Потом — повернуть голову. Не на сантиметр, а по-настоящему, насколько хватало шеи. Теперь я видела весь круг стен, видела ниши с факелами, видела, как синее пламя ровно горит, не дрожит, будто это вовсе не огонь, а какой-то другой свет, которому не нужен воздух. Я лежала на камне, в камне, окружённая камнем, и холод никуда не делся. Он был везде — в стенах, в полу, в воздухе, в моём теле. Я дрожала — сначала мелко, едва заметно, потом сильнее. Зубы застучали. Я прижала руки к себе, обхватила плечи — и по-

чувствовала, какая моя кожа ледяная. Как у мертвеца. Я не знала, какая кожа у мертвеца, но представляла — именно такой. Холодной, неотвечающей, чужой. «Яра», — сказал голос в моей голове. Не снаружи — внутри. Память о крике, который раздался у самого уха. «Яра. Я нашёл тебя.» Кто ты? — подумала я. — Кто ты, и что ты со мной сделала? Ты притащила меня сюда? В этот камень, в этот холод, в эту темноту? Зачем? Чего ты хочешь? Кто ты вообще такая? Молчание. Голос не ответил. Может, он и не должен был отвечать — я ведь не вслух спрашивала. Или должен? Я не знала правил. Не знала, как это работает — голос, который зовёт во снах и потом находит тебя на каменном полу в неизвестном месте. Никогда раньше не сталкивалась с таким. Никогда не читала инструкций. Я попыталась сесть. Не получилось — тело было ещё слишком тяжёлым, руки слишком слабыми, а холод забирал последние силы. Я лежала, дрожала и смотрела на синие огни, и единственная мысль, которая стучала в голове, как часы, была простой и страшной: Это не мой мир. Я смотрела на эти ровные синие языки пламени, на гладкие каменные стены, на ниши, выточенные с пугающей точностью, и знала: так не бывает. В моём мире факелы горят жёлтым, стены не бывают такими гладкими, а тишина не бывает такой плотной. Это не мой мир. Не мой город, не моя квартира, не моя реальность. Что-то другое. Что-то, куда меня привели — или приволокли — и где я теперь одна. Одна? Я лежала и вслушивалась в тишину, и мне казалось — или я действи-

тельно слышала? — что где-то далеко, за стенами, за камнем, в глубине этого места, кто-то дышит. Тихо, ровно, терпеливо. Как дышит человек, который ждёт. Как дышит голос, который наконец-то нашёл меня.

Глава 3

Сначала я просто хотела сесть. Просто сесть — не встать, не идти, не бежать, а всего лишь приподняться и оказаться в вертикальном положении, пусть даже на этом ледяном камне. Казалось бы, что тут сложного? Села тысячу раз в жизни. С десятков тысяч. Десятки тысяч — на стулья, на диваны, на кровати, на пол, на землю, на бордюры, на ступеньки. Сесть — это же не полёт на Луну. Это не умение, не навык, не искусство. Это рефлекс. Базовое движение, которое человек осваивает в шесть месяцев и потом повторяет всю жизнь, не задумываясь.

Я задумалась.

Потому что сесть не получалось.

Первая попытка — я упёрлась ладонями в камень, напрягла руки, попыталась приподнять торс. Руки дрожали, локти подгибались, камень был скользким от влаги, и ладони соскальзывали. Я поднялась на несколько сантиметров и рухнула обратно. Затылок ударился о камень — несильно, но ощутимо. Боль прошла по черепу короткой вспышкой, и я застыла, дыша часто, мелко, как загнанная собака. Сердце колотилось так, что я чувствовала его не в груди, а в горле, в висках, в кончиках пальцев. Везде. Оно билось о рёбра, как птица о клетку, — отчаянно, быстро, без ритма. Готово было

выпрыгнуть, разорвать что-то внутри и вырваться наружу.

Страх. Он стоял за спиной, дышал в затылок, холодный и терпеливый, как этот камень. Не тот страх, который заставляет бежать, — тот, который парализует. Я лежала и боялась. Боялась двигаться, потому что каждое движение отдавалось болью. Боялась лежать, потому что лежать — значит сдаться. Боялась смотреть, потому что каждый раз, когда я открывала глаза, видела синие огни и гладкие стены склепа, которые не имели права существовать. Боялась закрывать, потому что в темноте возвращался голос.

Вторая попытка — я действовала умнее. Повернулась набок, насколько позволяло тело, упёрлась правой рукой и попыталась вытолкнуть себя вверх, как отжимаясь. Рука дрожала, мышцы горели, но я поднялась. На локте. Потом — на ладони. Торс оторвался от камня, и холод, который прилип к спине, отлепился с неприятным, влажным звуком, как бинты от раны. Я сидела. Сидела — скособочившись, опираясь на одну руку, с ногами, которые ещё не вполне слушались, — но сидела. Голова закружилась. Не сильно, но достаточно, чтобы мир на секунду поплыл, стены качнулись, синие огни размазались по периметру длинными полосами, и я зажмурилась, стиснув зубы.

«Не падай, — сказала я себе. — Не падай, Яра.»

Яра. Я назвала себя так мысленно — и замерла. До этого я всегда думала о себе «Ярослава». Полное, привычное, моё. А тут — Яра. Как будто голос из сна уже успел что-то

изменить. Называл меня так — и я уже называю себя так же. Подчинение? Привычка? Или... что-то ещё? Что-то, что было всегда, только я об этом не знала?

Я отогнала мысль. Не сейчас. Потом. Сначала — сесть. Потом — осмотреться. Потом — понять, где я и как отсюда выбраться. А мысли о том, кто и как меня называет, оставим на потом. На потом, когда я буду в безопасности. Если буду.

Третья попытка — я выпрямилась. Медленно, позвонок за позвонком, как будто собирала себя заново. Спина протестовала: каждая мышца ныла тупой, затяжной болью, как после долгой болезни, когда тело забывает, что значит быть прямым. Я сидела на камне, на этой плите — потому что это была именно плита, я теперь видела это отчётливо, — и холод поднимался снизу, забирался под футболку, по пояснице, по рёбрам. Я обхватила себя руками и дрожала. Мелко, непрерывно, как лист на ветру. Зубы стучали — тихо, но в этой тишине склепа звук казался громким, чужим, нелепым.

Сердце не успокаивалось. Оно билось и билось, тяжёлое, испуганное, и каждый удар отзывался в ушах глухим гулом. Я делала глубокие вдохи — так, как учили на занятиях по йоге, на которые я ходила ровно три недели, прежде чем бросить. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Не помогало. Тело знало, что мы в опасности, и никакие дыхательные упражнения это не изменят.

Но я сидела. Сидела и могла смотреть.

И я стала смотреть.

Плита. Я сидела на каменной плите — прямоугольной, широкой, достаточно длинной, чтобы на ней лежал взрослый человек. Это был не просто кусок камня, не пол, не часть поверхности — это была отдельная плита. Вырезанная, отполированная, установленная в центре склепа. Как... как... Я не хотела додумывать. Не хотела произносить даже мысленно то слово, которое вертелось на языке. Плита, на которой лежит человек в склепе. Каменная плита. Прямоугольная. В центре круглого помещения. С факелами на стенах. Синими факелами.

Это гробница. Я лежала в гробнице.

Страх вспыхнул снова — ярче, острее, как будто кто-то плеснул масла в огонь. Я отдёргнула руки от плиты, будто она обожгла, хотя обжигал холод, не жар. Я сидела, вцепившись в край, и смотрела на поверхность подо мной, и вот тогда увидела.

Символы.

Они были вырезаны по краю плиты — по всем четырём сторонам, ровными линиями, на одинаковом расстоянии друг от друга. Маленькие, аккуратные, глубоко врезаемые в камень. Они напоминали руны — те, что я видела в книгах, в фильмах, на картинках в интернете. Не славянские, не скандинавские — какие-то другие. Чужие. Я не знала их, не могла прочесть, не понимала, что они значат, но смотрела на них и чувствовала: они что-то значат. Что-то важное. Что-то, что имеет отношение ко мне — потому что я лежала

на этой плите, и кто-то заботливо вырезал эти символы по её краю.

Зачем? Кто это сделал? Для кого?

Для меня?

Я провела пальцем по одному из символов. Камень под пальцем был гладким, отполированным — вырезали давно, очень давно, края знаков сгладились от времени. Я ощупала символ кончиком пальца — линии, изгибы, пересечения. Провела по нему, как слепая, читающая азбуку. Ничего. Я не знала этого языка. Не знала этого мира. Не знала, что эти руны значили — имя, заклинание, предупреждение. Или прощание.

Я убрала руку. Не стала думать об этом. Не стала. Потому что если начну — остановлюсь. Сяду на эту плиту, обниму колени и буду сидеть, разглядывая символы, гадать, что они значат, кто их вырезал и зачем, — пока не замёрзну окончательно. Пока холод не заберётся так глубоко, что выгнать его будет невозможно. Пока страх не сожрёт меня целиком, и я просто останусь здесь — сидеть на чужой гробнице в чужом склепе с чужими рунами, которые я не могу прочесть.

Нет. Хватит. Вставать. Искать выход. Двигаться.

Я осмотрелась — теперь сидя, я видела больше. Склеп был круглым, стены — гладкими, одинаковыми, без единого видимого шва, будто вырезанными из цельного куска камня. Факелы с синим пламенем горели ровно, беззвучно, и их свет был достаточно ярким, чтобы разглядеть стены, но недоста-

точным, чтобы увидеть детали. Тени лежали густые, тёмные, и в этих тенях могли скрываться двери, проходы, отверстия — что угодно. Я смотрела и не видела выхода. Ни одного. Гладкая стена, ровная, без единого проёма, без единой щели. Как будто склеп был запаян. Как будто я оказалась внутри камня, и выхода не было. Вообще.

Паника поднялась откуда-то из живота, подкатила к горлу, сжала его. Я задышала часто, прерывисто, и на секунду мне показалось, что я сейчас закричу. Просто закричу — от страха, от холода, от невозможности происходящего. От того, что я проснулась на чужой гробнице в запертом склепе, и никто не знает, где я, и я тоже не знаю, где я, и голос, который звал меня четыре месяца, привёл меня сюда, в эту каменную коробку, и теперь молчит.

Я не закричала. Сжала зубы. Сжала кулаки. Сжала всё, что можно было сжать, и сказала себе: встаёшь. Сейчас. Прямо сейчас. Встаёшь и идёшь. Идёшь вдоль стены, по кругу, и ищешь. Ищешь, пока не найдёшь. Потому что выход есть. Выход есть всегда. Даже в склепах. Даже в гробницах. Даже в самом глубоком, самом тёмном, самом безнадёжном месте — выход есть. Его нужно просто найти.

Я встала.

Не сразу. Не с первого раза — конечно, нет, ничего у меня не получалось с первого раза в этом месте. Сначала — ноги. Я свесила их с плиты, поставила на пол. Каменный пол — такой же холодный, такой же скользкий. Босиком. Я была

босиком. Когда успела потерять носки? Или я легла на диван без носков? Не помню. Не помню, и это пугало — провалы в памяти, белые пятна, которые становились всё больше. Кто я? Ярослава. Где я? Не знаю. Как я сюда попала? Не знаю. Что мне делать? Встать.

Я встала. Колени подогнулись — я качнулась вперёд, схватилась за край плиты, устояла. Голова закружилась снова, но слабее, и я устояла. Стояла, вцепившись в камень, и дрожала всем телом, и смотрела на синие огни, и думала: вот, Яра. Вот ты стоишь. Стоишь на ногах в чужом склепе, босиком, в тонкой футболке и джинсах, замёрзшая, напуганная, одинокая. Ты стоишь. Ты живая. Ты двигаешься. Это уже что-то. Это лучше, чем лежать.

Я отпустила плиту. Мир качнулся, но удержался. Я стояла. Стена. Ближайшая стена была в трёх шагах. Я подошла к ней — медленно, переставляя ноги, как после долгой болезни. Каждая нога была тяжёлой, как налитая свинцом, каждый шаг — усилие. Не от слабости — от холода. Мышцы не слушались, потому что были скованы холодом, заморожены, как мясо из морозилки. Я двигалась, и с каждым движением тело чуть оттаивало, но холод не уходил. Он держался. Вцепился. Не отпускал.

Я прислонилась к стене. Прижалась ладонью — мокрой, ледяной. Провела рукой по камню. Гладко. Ровно. Никаких щелей, никаких выступов, никаких дверей. Только камень. Гладкий, как стекло. Как будто стены вылили, а не сложили.

Как будто склеп не построили, а вырезали изнутри — кто-то выскоблил камень изнутри и оставил идеальную, гладкую, круглую коробку без единого выхода.

Я шла. Медленно, влево, по кругу, прижимаясь к стене. Рука скользила по камню — и я водила ею методично, внимательно, как слепой, который ищет дорогу. Пальцы ощупывали каждый сантиметр, каждую неровность, каждый бугорок. Гладко. Гладко. Гладко. Синие факелы горели поверху, и свет их падал на стену косо, ложился неровно, оставляя тени. Я смотрела — и не видела. Видимость была плохая: синий свет искажал очертания, тени ложились густые и странные, и я не могла понять, где неровность стены, а где игра света. Всё казалось выпуклым, всё казалось вогнутым, всё обманывало.

Я шла и думала.

Думала о том, что никогда в жизни не представляла себя в такой ситуации. Никогда. Я — обычная девушка. Студентка. Третьекурсница. Я хожу на пары, я ем в столовой, я сижу в библиотеке, я засыпаю на диване под плед. Я не герой из книги. Не воин. Не маг. Не избранная. Я — Ярослава, и мне двадцать лет, и я не умею выбираться из склепов. Не умею. Мне никто не показывал. Я не читала об этом. Не учила. Я умею сдавать экзамены и готовить макароны. Вот что я умею. Вот мои навыки. И ни один из них не помогает мне сейчас.

Я шла, и стена не кончалась. Круг. Я шла по кругу — и сте-

на смыкалась, возвращала меня к началу, к плите, к рунам, к синим огням. Я прошла полный оборот — и ничего. Ни двери, ни проёма, ни трещины, достаточно большой, чтобы протиснуться. Гладкий камень. Идеальный. Запечатанный.

Сердце снова забилося чаще. Паника подступала — я чувствовала её, как чувствуешь прилив тошноты: сначала лёгкое головокружение, потом холод в животе, потом — накачивает. Я остановилась, прижалась спиной к стене, закрыла глаза и дышала. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Так. Медленно. Ровно. Ты не умрёшь. Ты не останешься здесь. Выход есть. Ты просто плохо ищешь. Ты напугана, тебе темно — точнее, синим светом, который хуже темноты, — и ты плохо видишь. Иди ещё раз. Ещё один круг. Руки по стене. Пальцы. Каждый сантиметр. Что-то должно быть. Должно.

Я открыла глаза и пошла снова. Второй круг. Рука по стене, пальцы по камню, глаза в тени. Я шла медленнее, чем в первый раз, — останавливалась, ощупывала каждый участок, нажимала, стучала костяшками. Глухо. Глухо. Глухо. Сплошной камень. Ни полости, ни пустоты. Ни звука, который отличался бы от остальных.

И тогда — на середине западной стены, если я правильно ориентировалась, а я не была в этом уверена — пальцы зацепились. Не за щель, не за выступ — за что-то маленькое, выступающее из стены. Тонкое, длиной в фалангу пальца, холодное, металлическое. Рычаг. Маленький рычаг, торчавший из камня так незаметно, что я не видела его, хотя

прошла мимо дважды. Только пальцы нашли. Только рука, скользящая по стене, нащупала. Я замерла, не дыша, и ощутила находку. Металл. Холодный, шершавый, слегка загнутый на конце, как маленькая ручка. Вросший в камень, но подвижный — когда я нажала, он качнулся. Чуть-чуть. Как будто давно не был в употреблении и заржавел на месте.

Я стояла, держа пальцы на рычаге, и думала.

Думать — это, наверное, было умно. Обдумать. Взвесить. Оценить риски. Что будет, если я дёрну? Что откроется? Выход? Или что-то хуже? Может, это ловушка. Может, тот, кто построил этот склеп, оставил рычаг для тех, кто захочет выбраться — а может, наоборот, для тех, кто не должен. Может, за стеной — не выход, а что-то страшнее. Может, этот рычаг открывает не дверь, а... я не знала. Я не знала, что могло быть хуже запертого склепа с синими факелами и рунами на гробнице.

Но я знала, что хуже — остаться. Хуже — стоять здесь, замерзая, медленно, по одному градусу в час, и ждать. Ждать, пока холод доберётся до сердца. Ждать, пока синие огни погаснут. Ждать, пока голос вернётся — или не вернётся. Ждать — бессильно, слепо, покорно.

Я не хотела ждать.

Я дёрнула рычаг.

Металл скрипнул — тонко, пронзительно, как несмазанная петля. Звук разнёсся по склепу, отразился от стен, заметался кругами, и я вздрогнула всем телом. Сердце ударило

— один раз, тяжело, как молот, — и замерло. Я стояла, вцепившись в рычаг, и не дышала.

Тишина. Долгая, мучительная, как пауза перед взрывом. Секунда. Две. Три. Я уже решила, что ничего не произошло, что рычаг сломан, что я ошиблась, что выхода нет, что я...

Грохот.

Справа от меня — справа, совсем рядом, в полуметре от того места, где я стояла, — стена сдвинулась. Часть камня — целый блок, широкий, в рост человека — отъехал в сторону, медленно, тяжело, с низким, утробным звуком, который шёл из-под земли, из глубины, из самого камня. Пыль посыпалась сверху — мелкая, серая, оседала в синем свете, как пепел. Камень скользил по камню, и звук был такой, будто два мира тёрлись друг о друга, неохотно, тяжело, после долгого сна.

Проход.

Открылся проход.

Тёмный, узкий, уходящий куда-то вниз — или вперёд, я не могла понять, потому что синий свет факелов не проникал дальше порога. Там, за стеной, была темнота. Настоящая, абсолютная, без единого огонька, без единого проблеска. Густая, как вода, чёрная, как чернила. Оттуда тянуло воздухом — другим воздухом. Не таким, как в склепе, не таким затхлым и мёртвым. Живым. Влажным. С запахом земли, камня, воды. И ещё — чем-то ещё. Чем-то, чему я не могла дать названия, но что казалось... древним. Очень, очень древним.

Я стояла на пороге и смотрела в темноту. Рука — всё ещё на рычаге. Ноги — босые, на ледяном полу. Тело — дрожащее, замёрзшее, измученное. Сердце — колотящееся, испуганное, живое.

Выход есть.

Я не знала, что за этой темнотой. Не знала, куда ведёт проход, что ждёт в конце, кто — или что — может встретиться. Не знала ничего.

Но я знала одно: я не останусь здесь. Не останусь в этом склепе, на этой плите, с этими рунами, под этими синими огнями. Не останусь там, где меня нашли мёртвой — или почти мёртвой, или спящей, или кем-то, кем я была. Я уйду. Уйду в темноту, потому что темнота — это хотя бы неизвестность, а склеп — это конец.

Прежде чем шагнуть в темноту, я резко, почти судорожно сорвала со стены один из факелов. Синий огонь дрогнул, но не погас — он лишь чуть изогнулся, будто обиженно вздохнул, и снова застыл, ровный и холодный, как лёд. Я сжала древко так крепко, что костяшки побелели, а дерево впилося в кожу. Пальцы дрожали, но хватка не слабела. Пусть это всего лишь кусок дерева с горячей смолой — сейчас он был моим единственным союзником в этом чужом, враждебном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.